

АНАЛИЗ СУЩНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Алексей Александрович Борисенков^a

EDN: GYFWVT

Андрей Викторович Макаров^a

Федор Андреевич Поляков^a

Михаил Александрович Лайков^a

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ применения технологий искусственного интеллекта в системе государственного управления через призму внутренней политики. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ отечественных и международных кейсов и нормативно-правовых документов в области регулирования искусственного интеллекта. Рассмотрены различные подходы к классификации систем искусственного интеллекта с акцентом на их функциональные особенности и практическое применение. Предложен авторский подход к интеграции ИИ-технологий в систему государственного управления, раскрывающий новые аспекты взаимодействия технологических решений и управленческих процессов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, внутренняя политика, «умное государство», политическая стабильность, цифровая трансформация

Дата поступления статьи в редакцию: 24 ноября 2025 года.

ANALYZING THE NATURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION THROUGH THE LENS OF DOMESTIC POLICY

RESEARCH ARTICLE

Alexey A. Borisenkov^a

Andrey V. Makarov^a

Fedor A. Polyakov^a

Mikhail A. Laykov^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the use of artificial intelligence technologies in public administration systems, with a particular focus on domestic policy. The research methodology is based on a comparative analysis of domestic and international cases as well as regulatory documents related to artificial intelligence. The paper reviews various approaches to classifying artificial intelligence systems, emphasizing their functional features and practical applications. It also proposes an approach to integrating AI technologies into public administration systems, revealing new aspects of the interaction between technological solutions and management processes.

Keywords: artificial intelligence, domestic policy, «smart state», political stability, digital transformation

Received: November 24, 2025.

Введение

Актуальность исследования потенциала технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере внутривластного управления обусловлена глубокой трансформацией роли ИИ – от сугубо технологического инструмента до ключевого фактора политического влияния и формирования общественных процессов (см., например: [Быков, 2020]). Как подчеркнул Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2024 года, «с учетом демографических вызовов, с которыми мы столкнулись, высокой потребности, а если говорить прямо – дефицита кадров, для нас критически важно кардинально повысить производительность труда. Одна из ключевых задач. А это означает внедрение цифровых технологий в управление...»¹. Эта установка актуализирует поиск эффективных решений для оптимизации управленческих процессов в условиях ограниченных человеческих ресурсов.

Операционализация понятия «искусственный интеллект» требует четкого определения его границ и характеристик. Учитывая множественность существующих интерпретаций, представляется целесообразным исходить из нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу в Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 ИИ рассматривается как комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека, включая способность к поиску решений без заданного алгоритма, и обеспечивающих результаты, сопоставимые или превосходящие результаты интеллектуальной деятельности человека при выполнении конкретных задач. В дополнение к нормативному определению представляется продуктивным классифицировать системы ИИ по принципу их функционирования и выполняемым задачам, поскольку большинство современных систем основаны на моделях машинного обучения, что определяет специфику их применения. При этом ключевой аспект заключается в том, что ИИ обладает потенциалом преобразовывать социально-экономические системы, особенности взаимодействия и восприятия реальности человеком, что обуславливает потенциальное влияние на внутреннюю политику.

Ключевая классификация современных систем искусственного интеллекта по принципу их функционирования включает дискриминативные и генеративные модели.

Дискриминативные модели искусственного интеллекта ориентированы на различение, классификацию и прогнозирование на основе суще-

ствующей информации. В основе их функционирования лежит обучение определению оптимальной границы, разделяющей различные классы объектов или явлений. Примерами практического применения дискриминативных моделей служат задачи самого разного масштаба и значимости – от относительно простой дифференциации изображений кошек и собак до решения критически важных проблем, таких как диагностика онкологических заболеваний по результатам магнитно-резонансной томографии. Спектр применения также включает распознавание речи (транскрибирование аудиозаписей в текстовый формат), анализ тональности текста, фильтрацию спам-сообщений и прогностическое моделирование (например, оценка вероятности дефолта заемщика в банковской сфере). Таким образом, дискриминативные модели представляют собой эффективный инструмент для решения широкого спектра задач, связанных с анализом и интерпретацией данных.

Генеративные модели искусственного интеллекта, в отличие от дискриминативных, ориентированы на моделирование процесса создания новых объектов (изображений, текстов, музыкальных произведений и т.д.), обладающих характеристиками, аналогичными реальным данным [Бершадский, Евсеева, Гудков, 2025]. Вместо проведения разграничительной линии между классами генеративные модели изучают внутреннюю структуру каждого класса, чтобы воспроизводить его репрезентативные образцы. Примерами практического применения генеративных моделей могут служить генерация изображений на основе текстового описания (реализованная в таких системах, как DALL-E, Midjourney и Stable Diffusion), генерация текстового контента (написание статей, поэтических произведений, программного кода или диалогов), генерация речи и музыкальных композиций, а также синтез искусственных, но правдоподобных наборов данных для обучения других моделей в условиях ограниченного доступа к реальным или конфиденциальным данным. Особое место занимают генеративно-сопоставительные сети (GAN), в которых генератор создает поддельные объекты, а дискриминатор пытается их отличить от настоящих, что позволяет генератору постоянно совершенствоваться в создании высококачественных данных [Goodfellow Pouget-Abadie, Mirza et al., 2020. P. 140].

Принципиальное различие дискриминативного и генеративного подходов имеет ключевое значение, поскольку они не только применяются в различных отраслях, но и по-разному влияют на объекты и процессы: если первые в основном ана-

Цифровая эпоха

лизируют и оптимизируют существующие системы, то вторые активно создают новые реальные объекты, что может повлечь за собой различные социальные и политические последствия.

Содержание и результаты работы моделей ИИ, описанных выше, напрямую зависят от технологии их обучения. Помимо обучения с учителем (для дискриминативных моделей) и без учителя (часто для генеративных), существует третья ключевая парадигма – обучение с подкреплением (Reinforcement Learning, RL) [Орлова, 2023. С. 38–39]. Данный подход описывает процесс обучения искусственного интеллекта (агента) посредством его взаимодействия с динамической средой. Этот метод характеризуется отсутствием предварительно размеченных обучающих выборок; вместо этого агент самостоятельно осваивает оптимальную стратегию поведения, совершая действия и анализируя вытекающие из них последствия с целью максимизации кумулятивного вознаграждения. Фактически система учится методом проб и ошибок, адаптируясь к условиям среды на основе полученной обратной связи. Данная парадигма нашла широкое применение в различных областях: от создания высокоинтеллектуальных игровых систем, таких как AlphaGo и AlphaZero, которые одержали победы над чемпионами мира в стратегических играх путем самообучения², до робототехники, где она позволяет роботам автономно осваивать сложные двигательные навыки (например, ходьбу). Частично принципы RL также используются в работе беспилотных транспортных средств для принятия решений в реальном времени, а также для оптимизации управления ресурсами, включая энергопотребление в крупных вычислительных центрах.

Деревья решений и ансамблевые методы представляют собой классические, но высокоэффективные подходы в области машинного обучения. Суть деревьев решений заключается в построении иерархической структуры правил, напоминающей блок-схему, которая направляет процесс принятия решений. Ансамблевые методы, в свою очередь, значительно повышают прогностическую мощность, комбинируя результаты множества таких деревьев. Среди них выделяется алгоритм «случайного леса» (Random Forest) [Breiman, 2001], широко применяемый для задач классификации и регрессии, например, при прогнозировании стоимости недвижимости. Градиентный бустинг, реализованный в таких фреймворках, как XGBoost и LightGBM, является еще одним исключительно результативным методом, демонстри-

рующим выдающиеся показатели на табличных данных и часто используемым для задач наподобие кредитного скоринга. Важно отметить, что современные сложные системы искусственного интеллекта нередко обладают гибридной архитектурой. Например, большие языковые модели (LLM), такие как ChatGPT, являются по своей природе генеративными, то есть предназначены для создания текстового контента. Однако для их тонкой настройки и «выравнивания», обеспечивающего полезность, безопасность и соответствие определенным критериям, активно применяется обучение с подкреплением на основе обратной связи от человека (Reinforcement Learning from Human Feedback, RLHF) [Пичугов, Намиот, Зубарева, 2025. С. 115].

Классификация существующих подходов к использованию ИИ

В контексте рассмотренных методологий применения искусственного интеллекта следует отметить, что с позиций государственного управления существует множество подходов к данной технологии.

Подход 1. Стратегический и инфраструктурный (ИИ как стратегический ресурс)

Одним из фундаментальных подходов к государственному регулированию и развитию искусственного интеллекта является стратегическо-инфраструктурная концепция. В рамках этой парадигмы искусственный интеллект воспринимается государством как критически важный технологический ресурс стратегического значения, сопоставимый по своему фундаментальному влиянию с ключевыми инфраструктурными инновациями прошлых эпох, такими как паровой двигатель, электроэнергетика или сеть Интернет [Budak, 2025. Р. 18]. Конечной целью такого подхода является достижение глобального технологического лидерства, что, в свою очередь, позволяет усилить национальный экономический потенциал и геополитическое влияние³. В этой концепции государство принимает на себя роль главного инвестора и центрального координатора масштабных общенациональных программ. Ключевыми характеристиками данного подхода являются разработка и имплементация всеобъемлющих национальных стратегий по развитию ИИ, прямое государственное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), создание соответствующей техно-

2 DeepMind и AGI: обзор. <https://mosregdata.ru/article/deepmind-agi-obzor>

3 В СБ считают, что искусственный интеллект становится инструментом геополитического влияния. <https://tass.ru/obschestvo/25648245>

логической и цифровой инфраструктуры, а также целенаправленная подготовка специализированных кадров на государственном уровне. Наиболее яркой иллюстрацией подобной стратегии служит опыт Китайской Народной Республики, где в 2017 году был опубликован «План развития искусственного интеллекта нового поколения»⁴, в рамках которого была разработана долгосрочная дорожная карта до 2030 года. Этот план ставит амбициозные цели по достижению мирового лидерства в сфере ИИ к указанному сроку и формированию соответствующей индустрии с объемом в 150 млрд долларов США. Власти Китая активно инвестируют в инновационные стартапы, реализацию проектов по созданию «умных» городов и широкое внедрение технологий ИИ в системы государственного управления и общественного контроля, что является проявлением централизованного и директивного подхода.

Подход 2. Регуляторный и правовой (государство как регулятор)

Вторым значимым направлением в осмыслении и регулировании государством искусственного интеллекта является регуляторно-правовой подход. В нем ключевая функция государства сводится к формированию всеобъемлющей нормативно-правовой базы. Цель этого подхода – минимизация потенциальных рисков, сопряженных с широким внедрением ИИ, таких как алгоритмическая дискриминация, несанкционированное вторжение в частную жизнь, недостаточная прозрачность функционирования систем, а также вопросы ответственности за принимаемые ИИ решения [Сметана, 2024. С. 525]. В данной парадигме акцент смещается с интенсивного стимулирования технологического прогресса на гарантирование безопасности, этичности и надежности разрабатываемых и применяемых систем. Основными характеристиками этого подхода являются: разработка и имплементация детализированного законодательства и регламентов, создание специализированных надзорных органов, внедрение механизмов оценки соответствия и сертификации для систем искусственного интеллекта, а также безусловный приоритет защиты прав и свобод граждан. Такой подход реализует Европейский союз (далее – ЕС), который является мировым лидером в этом направлении. Принятый им Закон об искусственном интеллекте (AI Act) является первым в мире комплексным законодательным

актом, регулирующим весь спектр ИИ-систем⁵. Основопологающим принципом этого закона является риск-ориентированный подход, который классифицирует системы ИИ по уровню потенциального вреда:

Системы с недопустимым риском (например, системы социального скоринга, используемые для оценки благонадежности граждан) категорически запрещены.

Системы с высоким риском (включая ИИ в здравоохранении, при найме на работу, в правосудии) подлежат строгой процедуре оценки соответствия и обязательной сертификации перед введением в эксплуатацию.

Системы с ограниченным или минимальным риском подпадают под менее жесткие требования, но обязаны обеспечивать прозрачность и информирование пользователей об их функционировании.

Такой подход ЕС не только устанавливает внутренние стандарты, но и формирует глобальный прецедент, оказывая значительное влияние на практику регулирования и развития ИИ в компаниях по всему миру, известный как «эффект Брюсселя» [Bradford, 2012].

Подход 3. Этический и социально ориентированный

В рамках одной из ключевых концептуальных парадигм развития ИИ центральное место отводится этическим и социально ориентированным аспектам, акцентируя внимание на интересах человечества. Фундаментальный принцип данного подхода заключается в том, что прогресс в области ИИ должен быть направлен на достижение общественного блага и благосостояния, выходя за рамки сферы экономики или ВПК. В рамках этой парадигмы государства активно продвигают концепцию «ответственного ИИ», опирающуюся на принципы справедливости, инклюзивности, прозрачности и подотчетности, что способствует формированию доверия к технологическим инновациям. Реализация этой парадигмы проявляется в ряде характерных черт. На институциональном уровне это выражается в разработке и принятии этических хартий, руководств и деклараций, которые, хотя и не всегда обладают обязательной юридической силой, за-

4 New generation artificial intelligence development plan. <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/>

5 Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>

Цифровая эпоха

дают морально-этические ориентиры для разработчиков и пользователей ИИ.

Значительные объемы государственного финансирования направляются на проекты ИИ, ориентированные на решение глобальных социогуманитарных задач, таких как улучшение здравоохранения, модернизация образовательных систем и борьба с изменением климата. Существенное значение придается также механизмам публичного обсуждения и широкого вовлечения гражданского общества в процессы формирования политики в области ИИ, что обеспечивает учет различных точек зрения и предотвращает потенциальные риски. При этом данная парадигма предполагает возможность введения строгих регуляторных мер, включая запреты или существенные ограничения, в отношении технологий ИИ, которые признаны потенциально деструктивными или создающими угрозу для социальных свобод и благополучия. Подобный подход реализуется в целом ряде государств. Канада стала одним из пионеров в этом направлении, приняв в 2017 году национальную стратегию по ИИ, в которой этическая составляющая занимает центральное место. Такие документы, как «Монреальская декларация о ответственном развитии ИИ»⁶, акцентируют внимание на принципах транспарентности, недискриминационности и подотчетности. Инвестиции через Институт перспективных исследований CIFAR преимущественно направлены на проекты, способствующие решению глобальных вызовов. В схожем ключе и Франция под руководством президента Э. Макрона активно продвигает идею «ИИ на службе человечества», интегрируя этические принципы в основу своей национальной стратегии. Париж занимает принципиальную позицию по вопросу защиты гражданских свобод, выступая за запрет массового использования систем распознавания лиц в публичных пространствах, что рассматривается как потенциальная угроза основополагающим правам и свободам личности.

Подход 4. Оборонный и силовой (ИИ для национальной безопасности)

В контексте стратегического развития искусственного интеллекта отчетливо выделяется концептуальная парадигма, ориентированная на оборонный и силовой аспекты. Центральным положением этой доктрины является утверждение о критической роли ИИ в наращивании национального оборонного потенциала, что предпола-

гает достижение и поддержание военного превосходства, а также расширение операционных возможностей разведывательных и специальных служб. Соответственно, государственные структуры активно инвестируют в соответствующие разработки на базе ИИ, нередко посредством конфиденциальных исследовательских и опытно-конструкторских программ. Характерные проявления данной стратегической установки охватывают ряд ключевых аспектов. Прежде всего, это выражается в приоритетной аллокации финансовых ресурсов на военно-ориентированные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в сфере ИИ. Вторым определяющим фактором является интенсивная разработка и интеграция высокоавтоматизированных и автономных боевых систем, таких как роботизированные платформы и беспилотные летательные аппараты (БПЛА), предназначенных для выполнения широкого спектра задач. Помимо этого, ИИ широко применяется для оптимизации процессов киберзащиты критической инфраструктуры, повышения эффективности разведывательной деятельности посредством обработки и анализа больших объемов данных, а также для совершенствования военной логистики и оперативного планирования. Неотъемлемой чертой данной парадигмы является формирование тесного синергетического взаимодействия между оборонными ведомствами и ведущими технологическими корпорациями частного сектора, с признанием инновационного потенциала последних.

Данный подход находит отражение в стратегиях ряда государств. Соединенные Штаты Америки активно интегрируют ИИ в свои оборонные структуры, что подтверждается созданием Управления совместных искусственных интеллектов (JAIC) и инициированием таких проектов, как Project Maven, направленных на анализ видеоданных с беспилотных аппаратов. Признавая инновационный потенциал коммерческого сектора, Пентагон активно развивает механизмы кооперации с технологическими компаниями, в частности, через программу Joint Warfighting Cloud Capability⁷, что свидетельствует о понимании критической важности внешних источников технологического развития. Израиль, в свою очередь, занимает позицию мирового лидера в практическом применении ИИ для оборонных целей. Армия обороны Израиля и ведущие оборонные концерны, такие

6 The Montreal Declaration for a Responsible Development of Artificial Intelligence. <https://recherche.umontreal.ca/english/strategic-initiatives/montreal-declaration-for-a-responsible-ai/>

7 Oracle and JWCC: Secure Multicloud Infrastructure for National Defense. <https://www.oracle.com/defense-intelligence/jwcc/>

Таблица. Сравнительный анализ подходов государственного управления к работе с ИИ

Table. Comparative analysis of public administration approaches to working with AI

Подход	Роль государства	Примеры государств	Риски
Стратегический и инфраструктурный	Финансирование НИОКР, создание инфраструктуры, разработка национальных стратегий	Китай	Гиперцентрализация создает риски неэффективного распределения ресурсов, коррупции и формирования «технологических пузырей», подавляя при этом частную инициативу и в конечном счете нанося ущерб инновационному климату
Регуляторный и правовой	Создание нормативных рамок, сертификация систем, внедрение контроля	Европейский союз	Жесткое регламентирование создает риски замедления инноваций, оттока инвестиций и ставит в невыгодное положение малый и средний бизнес из-за высокой стоимости соответствия провозглашаемым стандартам
Этический и социально ориентированный	Финансирование социогуманитарных проектов, продвижение этических хартий, организация публичных обсуждений	Канада, Франция	Подход уязвим к разрыву между декларацией и практикой, необязательность руководств снижает их эффективность, а перевод абстрактных этических концепций в компьютерный код представляет собой значительную методологическую проблему
Оборонный и силовой	Прямое финансирование военных НИОКР, тесное сотрудничество с оборонным сектором, засекречивание программ	США, Израиль, Российская Федерация	Размывание ответственности за решения автономных систем, дестабилизация международной безопасности и неконтролируемая утечка технологий двойного назначения в гражданскую сферу
Партнерский	Создание условий для ГЧП, налоговые льготы, финансирование исследовательских хабов	Великобритания, Япония, Южная Корея	Лоббистское влияние корпораций, сложности распределения прав на интеллектуальную собственность и стратегическая зависимость государства от частных технологических компаний

Источник: Составлено авторами

Source: Compiled by the authors

как Rafael и Elbit Systems⁸, активно внедряют ИИ в системы противовоздушной обороны (например, «Железный купол»), в сферу киберразведки, а также в автономные боевые машины и беспилотные системы. Подход Израиля характеризуется выраженным прагматизмом и ориентацией на непосредственное боевое применение разрабатываемых технологий. Российская Федерация также заявляет о стратегическом приоритете разработки и имплементации ИИ в оборонном секторе, включая создание автономных танковых комплексов и интеллектуализированных систем управления войсками. Подобный вектор развития подкрепляется политическими заявлениями на высшем уровне, в частности, тезисом Президента Владимира Путина о том, что государство, лидирующее в сфере ИИ, обретет глобальное доминирование⁹.

Подход 5. Партнерский (государство – бизнес – наука)

В рамках одной из стратегических концепций развития искусственного интеллекта доминирует партнерский подход, сущность которого заключа-

ется в осознании государством ограниченности единоличного участия в динамичной глобальной конкурентной среде и инновационных процессах. В этой парадигме государство трансформируется из прямого оператора в катализатор и архитектора комплексной инновационной экосистемы, формируя благоприятную инфраструктуру для синергетического взаимодействия между государственными учреждениями, академическими кругами и частным сектором. Характерные особенности данной концепции проявляются в целенаправленном формировании институтов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), а также в значительных инвестициях в научно-исследовательские центры и инновационные хабы, часто создаваемые на базе ведущих университетов. Государства, применяющие данный подход, активно стимулируют парадигму открытых инноваций и обмен данными между участниками экосистемы, признавая их критическую роль в ускорении технологического прогресса. Дополнительным механизмом поддержки является внедрение фискальных преференций и налоговых льгот для коммерческих структур, инвестирующих в развитие ИИ-технологий. Эффективность данного подхода подтверждается примерами ряда развитых стран. Великобритания демонстрирует показательный пример партнерского подхода: Правительство учредило Офис по искусственному интеллекту для

8 Израиль первым в мире примет на вооружение лазерную систему ПВО. <https://tass.ru/obschestvo/25513869>

9 Путин: лидер в сфере искусственного интеллекта станет властелином мира. <https://ria.ru/20170901/1501566046.html>

Цифровая эпоха

координации национальной политики и сформировало сеть исследовательских кластеров, таких как Институт Алана Тьюринга, который объединяет ведущие академические учреждения с индустриальными партнерами. При этом фонд Innovate UK активно поддерживает ИИ-проекты частного сектора через грантовое финансирование, подчеркивая ориентацию на создание комплексной инновационной экосистемы, а не на прямое административное управление. Япония в рамках своей концепции «Общество 5.0»¹⁰ реализует стратегию тесного взаимодействия государственных структур, в частности Министерства экономики, торговли и промышленности (METI), с крупнейшими корпорациями, такими как Toyota и Sony, и научно-исследовательскими институтами. Целью этой кооперации является всеобъемлющая интеграция ИИ во все сферы общественной жизни и решение актуальных социальных вызовов, таких как проблемы стареющего населения. Аналогичным образом Южная Корея, провозгласившая курс на достижение лидерства в полупроводниковой промышленности и сфере ИИ, достигает этих целей посредством масштабных государственных инвестиций в ГЧП, включая создание «К-ИИ экосистемы»¹¹. Эта система консолидирует потенциал таких промышленных гигантов, как Samsung и Hyundai, с возможностями государственных научно-исследовательских институтов, обеспечивая синергетический эффект в развитии передовых технологий.

В контексте глобального развития искусственного интеллекта эмпирические данные указывают на то, что ни одно государство не придерживается исключительно одной методологической парадигмы. В качестве доминирующего выбирается определенный стратегический вектор, который, как правило, интегрирует отдельные элементы других концептуальных подходов, создавая гибридную модель развития. В связи с данной комплексностью и многомерностью подходов целесообразно дополнительно рассмотреть еще одну стратегию, ориентированную на оптимизацию эффективности государственного управления и обеспечение политической стабильности посредством внедрения ИИ-технологий.

Авторский подход «Умное государство»

В рамках парадигмы «Умного государства» искусственный интеллект позиционируется как стратегический инструмент обеспечения политической стабильности через два взаимосвязанных

компонента: повышение управляемости государственного аппарата и укрепление институциональной легитимности [Борисенков, Макаров, Лайков, 2025]. Данный подход к применению искусственного интеллекта в государственном управлении можно рассматривать как один из вариантов новых форм политико-управленческой деятельности, поиску которых посвятил свою работу Хельмут Вилке [Willke, 2007], анализируя трансформацию государственного управления в условиях сложности современных обществ и необходимость перехода к «когнитивному управлению», основанному на знаниях и адаптивных способностях. Предложенная авторская парадигма предполагает системную трансформацию государственного управления, в которой ИИ становится катализатором административной эффективности и социального доверия.

В контексте **управляемости** реализация концепции проявляется в оптимизации ключевых административных процессов. Сравнительный анализ международного опыта позволяет выделить две парадигмы технологической трансформации. Печально известная австралийская программа «Robodebt» (2016–2019 годы) демонстрирует риски технократического подхода, когда технологическое решение доминирует над правовыми и этическими соображениями. Реализованная система автоматизированного взыскания долгов по социальным пособиям привела к 470 тыс. ошибочных уведомлений, судебным издержкам на 1,8 млрд долларов и трагическим случаям самоубийств среди получателей¹².

В отличие от этого опыт Германии в области автоматизации налогового администрирования демонстрирует сбалансированный подход, при котором технологическая модернизация осуществляется в строгих правовых рамках с сохранением человеческого контроля на критически важных этапах¹³.

В Российской Федерации реализация потенциала ИИ последовательно расширяется. Так, технологии искусственного интеллекта активно внедряются в процесс мониторинга национальных проектов и государственных программ. Разработанная ИИ-модель обеспечивает комплексный анализ всех мероприятий и показателей в режиме реального времени, устанавливая их соответ-

12 Robodebt: five years of lies, mistakes and failures that caused a \$1.8bn scandal. <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/mar/11/robodebt-five-years-of-lies-mistakes-and-failures-that-caused-a-18bn-scandal>

13 Verwaltungsverfahrensgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 23. Januar 2003 (BGBl. I S. 102), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 15. Juli 2024 (BGBl. 2024. I Nr. 236). <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/BjNR012530976.html>

10 What is Society 5.0? https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html

11 AI in South Korea. OpenAI's Economic Blueprint, 2025.

ствие национальным целям развития страны. Как отметил заместитель Председателя Правительства Д.Ю. Григоренко, ключевой задачей является переход к проактивному управлению на основе прогнозирования рисков с точностью до 96 %¹⁴.

Применение искусственного интеллекта позволяет выявлять сложные межотраслевые взаимосвязи между различными проектами и программами, что существенно повышает обоснованность управленческих решений. Технология демонстрирует высокую эффективность при анализе масштабных данных: обработка почти полумиллиона потенциальных взаимосвязей осуществляется за один день, тогда как при использовании традиционных методов подобный анализ потребовал бы привлечения 76 экспертов в течение четырех лет.

В Липецкой области внедрение платформы «Забота» на базе процессной аналитики позволило сократить сроки назначения социальных выплат с 21 до 12 дней¹⁵. Обработка 1 млн заявок, которая при ручном труде заняла бы два года, была выполнена за три недели.

Параллельно развивается применение технологий компьютерного зрения в системах обеспечения безопасности, включая решение задач розыска преступников и мониторинга состояния операторов критической инфраструктуры.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для трансформации государственного управления, создавая условия для перехода на качественно новый уровень эффективности. Однако успешность внедрения определяется не технологическим совершенством алгоритмов, а зрелостью институтов, способностью к организационному обучению и приоритетом защиты публичных интересов.

В аспекте **легитимности** искусственный интеллект становится инструментом формирования устойчивых коммуникационных моделей между государством и обществом [Федорченко, 2020. С. 44]. Технологии ИИ позволяют не только осуществлять мониторинг цифровых медиаплатформ и семантический анализ публичных настроений, но и выстраивать проактивные коммуникационные стратегии, обеспечивая транспарентность политических решений и противодействие дезинформации через автоматизированную верификацию контента. Особого внимания заслуживает деятельность организаций типа АНО «Диалог Реги-

оны», где технологии обработки естественного языка применяются для мониторинга медийной повестки и выявления центров социальной напряженности¹⁶.

В то же время в контексте внутренней политики ИИ-технологии представляют собой фактор двойственного характера: с одной стороны, они создают новые возможности влияния на общественно-политическую обстановку, а с другой – порождают серьезные риски, такие как распространение дипфейков [Langguth, Pogorelov, Brenner et al., 2021], утечки персональных данных и осуществление целенаправленного информационного воздействия через персонализированную коммуникацию. Возникает ситуация цифровой аномии, когда традиционные регуляторные механизмы устаревают, а новые технологии противодействия только формируются. Преодоление этой аномии требует не только глубоких исследований коммуникационного потенциала ИИ, но и разработки конкретных мер противодействия возникающим рискам, что может стать предметом дальнейших научных изысканий в области политического управления.

Таким образом, концепция «Умного государства» представляет собой подход, при котором искусственный интеллект синхронизирует повышение эффективности государственного управления с укреплением легитимности власти, создавая устойчивый фундамент для политической стабильности в условиях цифровой трансформации.

Заключение

Проведенный анализ доказывает ключевую роль искусственного интеллекта в трансформации государственного управления, особенно в сфере внутренней политики. Отсутствие универсального подхода к регулированию ИИ актуализирует необходимость интегративных решений. Предложенная парадигма «Умного государства» демонстрирует способность сочетать технологическую эффективность с задачей обеспечения политической стабильности.

Успешность внедрения ИИ-технологий определяется институциональной зрелостью государства, выражающейся в умении поддерживать баланс между инновациями и рисками. Это требует развития адаптивного законодательства, систем оценки воздействия и этических стандартов, что в конечном счете определяет потенциал цифровой трансформации при сохранении суверенитета и защите публичных интересов.

14 Дмитрий Григоренко: Правительство внедрило искусственный интеллект в систему управления нацпроектами. <http://government.ru/news/56189>

15 Жители Липецкой области стали вдвое быстрее получать социальные выплаты. <https://www.kommersant.ru/doc/7364925>

16 Как работает госдиджитал в России? Кто стоит за сетью госпабликов? https://m.vkvideo.ru/video-165023884_456239067

Цифровая эпоха

Литература

- Бершадский А.М., Евсеева Ю.И., Гудков А.А. Автоматизация программирования: от первых компиляторов до генеративного искусственного интеллекта. *Моделирование, оптимизация и информационные технологии*. 2025. Т. 13. № 4. <https://doi.org/10.26102/2310-6018/2025.51.4.009>
- Борисенков А.А., Макаров А.В., Лайков М.А. Социальная архитектура как новое направление деятельности внутриполитического блока. *Вопросы политологии*. 2025. Т. 15. № 3 (119). С. 823–832. <https://doi.org/10.35775/PSI.2025.115.3.006>. EDN: WVEN-DO
- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений. *Журнал политических исследований*. 2020. Т. 4. № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>. EDN: FCGCZO
- Орлова Е.В. Обучение с подкреплением как технология искусственного интеллекта для решения социально-экономических задач: оценка производительности алгоритмов. *π-Economy*. 2023. Т. 16. № 5. С. 38–50. <https://doi.org/10.18721/JE.16503>. EDN: OHKJKP
- Пичугов А.А., Намиот Д.Е., Зубарева Е.В. Современные методы обучения больших языковых моделей с минимумом данных: от одного примера к абсолютному нулю – академический обзор. *International Journal of Open Information Technologies*. 2025. Т. 13. № 6. С. 114–124. EDN: MQLDPJ
- Сметана В.В. Заглядывая в будущее: горизонты искусственного интеллекта. *Флагман науки*. 2024. № 6 (17). С. 523–527. <https://doi.org/10.37539/2949-1991.2024.17.6.007>. EDN: SYCCVY
- Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2020. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>. EDN: VLJHRP
- Bradford A. The Brussels effect. *Northwestern University Law Review*. 2012. Vol. 107. No. 1. P. 1–68. In English
- Breiman L. Random forests. *Machine Learning*. 2001. Vol. 45. No. 1. P. 5–32. In English
- Budak Y. The second great disruption? Artificial intelligence, technological unemployment, and policies for a resilient workforce – a literature review. *European Journal of Formal Sciences and Engineering*. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 18–23. <https://doi.org/10.26417/zazrxp84>. In English
- Goodfellow I., Pouget-Abadie J., Mirza M., Xu B., Warde-Farley D., Ozair Sh., Courville A., Bengio Y. Generative adversarial networks. *Communications of the Association for Computing Machinery*. 2020. Vol. 63. No. 11. P. 139–144. <https://doi.org/10.1145/3422622>. In English
- Langguth J., Pogorelov K., Brenner S., Filuková P., Schroeder D.H. Don't trust your eyes: image manipulation in the age of deepfakes. *Frontiers in Communication*. 2021. Vol. 6. Art. No. 632317. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.632317>. In English
- Willke H. Smart governance: governing the global knowledge society. Frankfurt: Campus Verlag, 2007. In English

References

- Bershadsky A.M., Evseeva Yu.I., Gudkov A.A. Automation of programming: from the first compilers to generative artificial intelligence. *Modelirovaniye, optimizatsiya i informatsionnyye tekhnologii*. 2025. Vol. 13. No. 4. <https://doi.org/10.26102/2310-6018/2025.51.4.009>. In Russian
- Borisenkov A.A., Makarov A.V., Laikov M.A. Social architecture as a new area of activity of the domestic political bloc. *Voprosy politologii*. 2025. Vol. 15. No. 3 (119). P. 823–832. <https://doi.org/10.35775/PSI.2025.115.3.006>. EDN: WVENDO. In Russian
- Bykov I.A. Artificial Intelligence as a source of political thinking. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>. EDN: FCGCZO. In Russian
- Fedorchenko S.N. The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: problems of legitimacy, information security and soft power. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*. 2020. No. 1. P. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>. EDN: VLJHRP. In Russian
- Orlova E.V. Reinforcement learning as an Artificial Intelligence technology to solve socio-economic problems: algorithms performance assessment. *π-Economy*. 2023. Vol. 16. No. 5. P. 38–50. <https://doi.org/10.18721/JE.16503>. EDN: OHKJKP. In Russian
- Pichugov A.A., Namiot D.E., Zubareva E.V. Modern methods for training large language models with minimal data: from one example to absolute zero – an academic review. *International Journal of Open Information Technologies*. 2025. Vol. 13. No. 6. P. 114–124. EDN: MQLDPJ. In Russian
- Smetana V.V. Looking into the future: horizons of Artificial Intelligence. *Flagman nauki*. 2024. No. 6 (17). P. 523–527. <https://doi.org/10.37539/2949-1991.2024.17.6.007>. EDN: SYCCVY. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Алексей Александрович Борисенков, заместитель декана факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: borisenkov-aa@ranepa.ru <https://orcid.org/0000-0002-5607-0003>

Андрей Викторович Макаров, администратор образовательной программы бакалавриата «Внутренняя политика и лидерство» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: makarov-anv@ranepa.ru

Федор Андреевич Поляков, директор образовательной программы бакалавриата «Цифровое государство» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: polyakov-fa@ranepa.ru

Михаил Александрович Лайков, делопроизводитель отдела организационного развития и маркетинга Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: laykov-ma@ranepa.ru

Для цитирования: Борисенков А.А., Макаров А.В., Поляков Ф.А., Лайков М.А. Анализ сущности применения искусственного интеллекта через призму внутренней политики. *Государственная служба*. 2025. № 6. С. 26–35.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Alexey A. Borisenkov, Deputy Dean of the Faculty of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: borisenkov-aa@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5607-0003>

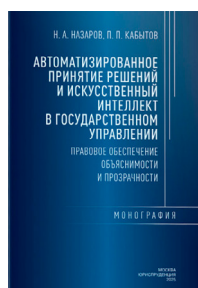
Andrey V. Makarov, Administrator of the Bachelor's Degree Program "Domestic Policy and Leadership", Faculty of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: makarov-anv@ranepa.ru

Fedor A. Polyakov, Director of the Bachelor's Degree Program "Digital State", Faculty of Public and Municipal Administration, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: polyakov-fa@ranepa.ru

Mikhail A. Laykov, Secretary, Organizational Development and Marketing Department, Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: laykov-ma@ranepa.ru

For citation: Borisenkov A.A., Makarov A.V., Polyakov F.A., Laykov M.A. Analyzing the nature of Artificial Intelligence application through the lens of domestic policy. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2025. No. 6. P. 26–35.

ЧТО ЧИТАТЬ?

Н.А. Назаров, П.П. Кабытов. Автоматизированное принятие решений и искусственный интеллект в государственном управлении. Монография. М.: Юриспруденция, 2025.

Монография представляет собой одно из первых в Российской Федерации комплексных исследований, посвященных правовому обеспечению объяснимости и прозрачности при использовании автоматизированной системы принятия решений и искусственного интеллекта в государственном управлении. Анализируются сущность и специфика применения автоматизированного принятия решений и искусственного интеллекта в деятельности органов публичной власти, а также связанные с этим вызовы для прав человека. Исследуются ключевые аспекты правового регулирования, включая разработку стандартов объяснимости алгоритмических решений, определение пределов прозрачности функционирования искусственного интеллекта. Особое внимание уделено анализу российского и зарубежного опыта правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере, а также разработке предложений по совершенствованию национального законодательства. Оцениваются проблемы и перспективы дальнейшего развития правовых механизмов обеспечения прозрачности и объяснимости автоматизированного принятия решений в государственном управлении.